

Старая добрая мастерская. Вот она, моя собственная комната в онлайн-игре. Той игре, в которую я втянулся, когда мои новые друзья, Шун и Каната, позвали меня сюда.

Тогда они уже играли вдвоем, поэтому я выбрал кузнеца, роль поддержки, чтобы лучше сбалансировать нашу пати. Мне показалось, что так я точно не стану мешаться под ногами у персонажей Канаты и Шуна, которые были чистыми бойцами. Хотя я напрасно волновался об этом, потому что они всегда были добры и отзывчивы ко мне на первых порах в игре.

Я был очень рад. Когда они сражались бок о бок со мной и подстраивались под мой темп игры, не заставляя гриндить поскорее уровень, я знал, что с этими двумя мы подружимся.

Мы ходили фармить материалы для кузнечества вместе и выбивали предметы, чтобы улучшить наше оружие. Когда не мог прийти один, двое других играли вместе, и, если изредка не собирались даже двое, я один работал в кузнице.

Этот стиль игры достаточно неплохо себя оправдывал. Когда остальные двое пользовались оружием, которое я им сделал, мне уже было приятно.

Работа руками — это не так уж плохо.

\*\*\*

Мои папа и дедушка владели небольшой фабрикой. Я не узнавал, что они там делали, когда был маленький. Кажется, какие-то детали для механизмов.

— Мы их производим, потому что людям нужны, но теперь за это взялись большие компании, и все они, паршивцы, переметнулись на чужую сторону, — часто жаловался об этом мой дед.

Судя по всему, появился завод покрупнее, который наладил массовый выпуск этих запчастей, так что компании, которые закупали детали с фабрики нашей семьи, разорвали с ней контракты. Даже те, кто был постоянным клиентом многие годы, перешли к конкурентам, заставляя отца и дедушку искать других клиентов.

Мой дед не стерпел такой обиды и запил после остановки фабрики, всего несколько лет спустя заболев раком печени.

Мой отец, похоже, понял заранее, что фабрику ждет конец. Как только контракты были расторгнуты, он решил продать ее и устроиться работать куда-нибудь еще. Забавно, но мы стали жить на его новую зарплату лучше, чем когда у нас был доход от прошлого дела. Может быть, это тоже добило дедушку.

Но это не значит, что продажа фабрики далась моему отцу легко. В отличие от дедушки, на слово он был бережлив, но я часто замечал, как он со смешанными чувствами на лице смотрит

на то место, где она раньше стояла. Это явно было не выражением приятия.

Наверное, именно глядя на дедушку и папу, я заразился таким чувством справедливости. Оба гордились своей фабрикой и были к ней привязаны. Но потом все это было разрушено ради одного только удобства компаний, с которыми они сотрудничали, и в итоге их дела лишь пошли в гору после контрактов с новыми производителями.

Это так нечестно.

Мои отец и дед молчаливо посвятили себя производству этих деталей, как воины, которые поклялись в верности, а взамен их вышвырнули, как ненужную вещь. Есть ли в этом какая-то справедливость? Нет.

Наверняка у них были на то причины, дело было в цене или в том, как делается бизнес. Но принять это было трудно, зная, как много выстрадали мои папа и дедушка, в то время как тем, кто оказался виноват в этом, ничего не было.

Поэтому, когда я видел несправедливость, — даже если закон был не на моей стороне, даже если люди отворачивались — я не мог просто стоять и молчать. Хотя, мне кажется, я был таким всегда, еще когда фабрика не закрылась, так что, если бы папа и дедушка на меня и не повлияли, я все равно был бы таким же. Но именно эти события заставили меня выбрать тот путь, которым я шел дальше.

Я всегда пытался делать то, что было правильно, и исправить все, что было не так, как должно. Но мир не так прост. Если бы поступать правильно было достаточно, чтобы все стало хорошо, то фабрика бы не закрылась.

Вместе с этим, когда мне казалось, что я поступал правильно, я делал все хуже или становился плохим парнем в глазах остальных.

Отчасти проблема была в том, что я все решал грубой силой. Может, между детьми это и работает, но я, даже став подростком, не менял своих методов. Поэтому люди звали меня маленьким огром и злились.

Насилие — не выход. Все это знают, и все равно это был мой ответ каждый раз, когда что-то казалось неправильным.

Я был полон противоречий, с этим спорить я не стану. Мне это стало понятным куда позже, чем другим детям.

В общем, в старшей школе я решил вести себя поспокойнее. Моя бурная жизнь тут же кардинально переменилась. Теперь я мог наслаждаться мирными деньками — жизнью без насилия. Просто бросив насилие и закрыв глаза на всю несправедливость, которую я замечал,

я мог жить жизнью обычного старшекласника. Мне даже повезло подружиться с Шуном и Канатой и ходить в школу с удовольствием.

«Но разве ты этим доволен?» — спрашивал меня голос в глубине души.

Я не знал, что на это ответить.

\*\*\*

Теперь я почему-то переносусь в свою комнату в деревне гоблинов. Ну, вернее, в единственную комнату в доме, общую для всего семейства. Архитектура гоблинов — не то чтобы последнее слово техники, и в пустынных окрестностях Гор Магии для них многого стоит даже устроить для каждой семьи по комнате.

Посреди ветхой комнатки я делал оружие. Много переменялось с тех пор, как я открыл навык «Создание оружия». С его помощью я делал столовые приборы, например вилки и ножи, которыми стали пользоваться в деревне, и сумел создать и хозяйственный инвентарь, который облегчил нам жизнь.

Как понятно из названия, навык «Создания оружия» дает возможность делать только оружие, но все же мне удалось наделать множество разных видов инвентаря. Может, дело было в том, что ими когда-то пользовались как оружием во время восстаний и всего такого.

Навык годился и по прямому назначению: создавать настоящее оружие. Как только я понял, как делать действительно хорошее вооружение, охота стала давать нам намного больше дичи. С ним гоблины-охотники стали приносить в деревню больше мяса монстров. Проблема голода в деревне ослабла, к тому же они принялись исследовать и использовать как охотничьи угодья куда больше территорий.

Но не все тут же пошло в гору. Гоблины примерно одного возраста со мной продолжали замерзать насмерть или становились едой для овощей в поле, если не вовремя приходили за урожаем.

Вам, наверное, кажется это бессмыслицей, но среди холодов Гор Магии удавалось расти только сильным плотоядным овощам... Когда я впервые стал этому свидетелем, я чуть в обморок не грохнулся.

Были и другие гоблины, мой пример для подражания, заменявшие старших братьев, которые не вернулись с охоты, и продолжать так можно долго. Я помню, конечно, и счастливые моменты, например когда мой старший брат сумел эволюционировать в хобгоблина.

Моя семья состояла из двух родителей, четырех старших братьев, четырех старших сестер, меня, а из младших было еще по брату и сестре, — итого пятнадцать. Для людей это была бы

большущая семья, но у гоблинов такое встречалось постоянно. Они быстро и легко беременеют, так что за небольшой промежуток времени может родиться сразу куча детей.

Впрочем, и смертность среди гоблинов высока. Я слышал, что было еще четыре моих старших родственника, а один мой младший брат родился мертвым.

Это было сложное время. Он должен был стать моим первым младшим братом. Но он не выжил. Вся наша семья долго обливалась слезами, а я потерял аппетит. Тогда меня утешил старший из моих братьев, Раза-Раза.

Ну, как сказать «утешил». На самом деле он ударил меня кулаком.

— Нельзя вечно сидеть и распускать нюни. Ешь и будь здоров. Таков долг у нас, живых.

Так он заставил меня есть. Буквально. Он разжал мне рот и просунул еду мне в глотку. С этих пор, если я снова впадал в меланхолию за едой, он кормил меня насильно. Я думал, он может меня убить, но, по крайней мере, я перестал грустить. Слово Разы-Разы было законом, а главное — моя мама в тот момент уже была беременна очередным ребенком. У гоблинов необычайная тяга к жизни.

А вскоре родилась моя младшая сестренка. Я тут же поклялся оберегать ее. В том числе и ради моего младшего брата, которому не выпало шанса выжить. На самом деле младший брат скоро у меня появился, но я все равно остался сильно привязан к своей сестре. Не то чтобы я и к нему не привязался, но из-за того обещания себе я больше думал о сестре. Взамен она сблизилась со мной, и мы стали неразлучны.

Когда я делал что-нибудь с помощью «Создания оружия», моя младшая сестренка сидела рядом и молча наблюдала за мной. А когда оружие было готово, она хлопала в ладоши и восхищалась, будто ничто не могло сделать ее счастливее. Поэтому я, конечно же, ее обожал.

Когда за меня так болели, я еще больше укреплялся в решении делать вещи. Прямо как когда я был кузнецом в той игре, мне нравилось создавать что-то полезное остальным. Я чувствовал, что я полезен. Ничто не доставляло мне большее удовольствие, чем осознание, что что-то сделанное мной, было важно и нужно.

Может, это же чувствовали мои папа и дедушка, когда управляли фабрикой.

\*\*\*

Сцена снова меняется.

— Беги!

Мой старший брат Раза-Раза был одним из лучших воинов деревни. Он был высшим гоблином, эволюцией хобгоблина, так что статусы у него были выше, чем у любого из наших родичей. Я так гордился своим братом, и все мои остальные братья равнялись на Разу-Разу.

Но вот он был весь изранен и кричал, чтобы остальные спасались. Поэтому я послушался его и побежал, взяв за руку сестру.

Люди напали на деревню. Это не было неожиданностью. В последнее время наши отряды охотников все чаще натывались на людей. Благодаря оружию, которое я сделал для них, гоблины лучше снаряжались и исследовали новые уголья, в конце концов попав в окрестности новой деревни людей, построенной у подножия Гор Магии.

Людей это насторожило, и они решили напасть в ответ. В итоге большинство эволюционировавших гоблинов-воинов, которые уходили с охотниками, было убито, а теперь люди атаквали и форпост гоблинов — нашу деревню. С тем самым оружием, которое я создал, в своих руках.

Это было мерзко. Я сделал это оружие специально для охотников. Они никогда не должны были стать оружием людей и обратиться против нашей деревни! Они украли из рук охотившихся то, что я с таким трудом сотворил, и пустили в ход именно против нас.

Реальность наполнила меня грустью. Как и то, что я был слишком слаб, чтобы их остановить. Я быстро рос для гоблина, но я был еще так юн. Как обычный, не достигший эволюции гоблин, я годился только на создание оружия. Если даже охотникам не удалось с ними справиться, мне можно об этом и не мечтать.

Поэтому я бежал. Это был позор, но со мной была еще и сестра. Я своей жизнью поклялся защитить ее.

Но тогда один человек преградил мне путь, будто в насмешку над моей решимостью.

Ни секунды не тратя на раздумья, я бросил в него созданное мной оружие и попытался броситься в другую сторону. Но человек с легкостью увернулся и метнулся по дуге вновь преградить мне путь.

Достаточно было видеть, как он двигается, чтобы понять, что его статусы были куда выше моих.

— Хм-м?

Я не знал, что еще мог сделать. Пока я пытался хоть как-то спастись, человек взглянул на меня заинтересованно. Тогда он положил руку на каменное ожерелье у себя на шее и что-то пробормотал. Впрочем, это был не тот язык, которым пользовались гоблины, так что я не

понял ни слова. И все же холодок, которым обдало меня, будто пробирая до костей, дал мне понять, что он что-то со мной делал.

Мужчина прищурился. Я не знал, что он делал, но у меня появился шанс. Я попробовал развернуться, но человек схватил меня за голову и прижал к земле.

— Н-нгх?! Гах! — невольно воскликнул я.

Дело было не только в том, как меня болезненно пригвоздили к земле, но и в том, что я чувствовал на себе от руки незнакомца.

В чем дело?! На меня нахлынули боль и тревога, слово что-то инородное наполняло мое тело. В то же время во мне возникло незнакомое чувство, будто нечто оставило отпечаток на моем разуме.

Я стиснул зубы и попытался с этим бороться. Я сумел вернуть себе контроль над рассудком, но тело отказывалось подчиняться. Я попытался вырваться из хватки мужчины, но силы быстро меня оставляли.

Краем глаза я видел, как моя сестра стоит, застыв, в стороне. «Беги!» — хотелось закричать мне, но мой рот отказывался двигаться.

Мужчина отпустил меня, но тело по-прежнему не подчинялось приказам. Я попробовал встать, но не сумел даже пальцем шевельнуть. Мое тело будто уже не принадлежало мне.

И так оно и было на самом деле. А дальше, дальше...

\*\*\*

Сцена меняется.

Я в доме, куда более прочном, чем любой из гоблинских домишек. Это была комната в деревне у подножия Гор Магии, той самой, где обжились люди. Там меня заставили делать оружие.

Моей сестры больше не было со мной. Вместо этого у меня появились два новых титула: «Убийца союзников» и «Пожиратель родственников». Меня обратил в рабство Буримс, один из людей, которые напали на деревню. Это случилось совершенно против моей воли. Меня заставили слушаться каждой его команды.

Какая несправедливость. Почему это произошло? Как бы долго я ни ломал голову, ответа все не было.

Когда я заканчивал создавать очередное оружие, Буримс смотрел на него с удовлетворением и забирал с собой. На шее у Буримса висел Оценочный камень высокого уровня. Такой камень был и у нас в деревне, с помощью него мы и узнали, что у меня есть навык «Создание оружия», но тот, что у Буримса, был выше уровнем.

Именно из-за моего навыка он не убил меня, а поработил. Лучше бы он выбрал первое. Мой навык существует не для того, чтобы им пользовались такие, как вы. Но каждый день меня заставляли создавать оружие, и каждое попадало в руки людям.

Я не знал, как мне быть. И более того, меня переполняла злость. Пусть меня снедала ненависть, я не представлял, как вырваться из-под контроля Буримса, поэтому я продолжал делать оружие.

Сцена меняется опять.

В Горах Магии Буримс заставлял меня убивать поработанных им монстров. Это называлось гриндом уровня.

«Создание оружия» тратит мою ману на то, чтобы сделать оружие, так что, если я буду поднимать уровень и эволюционировать, у меня будет больше МР, следовательно, я сделаю больше оружия качеством выше.

Убивая их опять и опять, я быстро стал хобгоблином. Для гоблинов эта эволюция имеет особенное значение. У обычных гоблинов очень короткая жизнь, примерно десять лет, но, если они станут хобгоблинами, их жизнь становится такой же длинной, как у людей.

Поэтому гоблины постоянно присоединяются к отрядам охотников и убивают с ними монстров, повышают уровни и становятся хобгоблинами. Это в каком-то смысле и обряд посвящения во взрослую жизнь. Только справившись с этим испытанием, гоблин может жить дальше как взрослый.

Конечно же, многие гоблины при этом гибнут. Так охота превращается не в простую добычу пропитания, а в своего рода священный ритуал.

И вот меня заставили стать хобгоблином без ритуала и без особых чувств. Я всегда предвкушал тот день, когда я присоединюсь к охоте и встану плечом к плечу в ней с братьями-гоблинами.

Но этот день не пришел. Эта эволюция была лишена всякого ощущения триумфа. Не моя сестра была рядом, чтобы праздновать мою эволюцию, это Буримс посмотрел на меня и кивнул с победным выражением лица.

А около него стоял мой старший брат Раза-Раза с абсолютно лишенным всякого блеска взглядом.

Не меня одного поработил Буримс. Раза-Раза тоже пал его жертвой. Брата Буримс контролировал еще надежнее; та непокорность, которую он проявлял в начале, быстро сошла на нет, и теперь он следовал за Буримсом, будто безвольная марионетка.

Когда-то он был лучшим воином в деревне, мой старший брат, которым все восхищались. Что бы они сказали, если бы увидели его теперь? Посчитали бы они его жалким? Или они тосковали бы из-за него и обливались слезами? Загорелись бы гневом при виде того, что сотворил Буримс? Я мог лишь гадать. Потому что не осталось больше никого из нашей деревни.

Мое сердце наполняет страх при мысли, что однажды меня может постичь судьба Разы-Разы, но еще больше в нем ненависти к Буримсу и остальным людям. Пусть он взял мое тело под контроль, я не позволю ему покорить мой разум.

\*\*\*

Сцена меняется.

На этот раз это еще одно событие, которое не должно было случиться. В тот раз я не поверил своим глазам. Я думал, это какая-то шутка, пусть очень глупая, или, по крайней мере, какая-то разыгранная специально сценка, которая должна сбить врага с толку.

Но нет. Я слишком хорошо это знаю. Мой брат Раза-Раза смеялся. С укротителем монстров Буримсом. Вырезавшим нашу деревню.

Казалось, ему действительно весело. В его глазах даже были неподдельные уважение и симпатия. Уже этого не должно было случиться никогда, но в еще большей степени потому, что он сжимал в руке давленные цветы.

Для гоблинов в их культуре эти цветы имели огромное значение. Когда они идут на охоту, с собой они берут эти цветы как талисман на удачу. Для гоблинов охота — это священный ритуал. Так что, когда они уходят охотиться, те гоблины, которые остаются, дают им в дорогу раздавленные между руками цветы.

Нелегко найти цветущие растения в лютой стуже Гор Магии. Но они всегда отдают охотникам эти цветочные талисманы. А теперь Раза-Раза держал в руке несколько этих смятых цветочков.

Все цветы сразу не могли принадлежать ему, потому что одному охотнику дают лишь один цветок. Да и наша деревня уже давно была разрушена. Они все должны были завясть у него, даже давленные.

Тогда чьи же талисманы на удачу держал в руках мой брат? Я не хотел думать об этом, но ответ был один. Цветы у Разы-Разы должны были принадлежать охотникам из другой деревни,

а то, что они достались ему, говорило, что он напал на этих гоблинов и, скорее всего, разрушил деревню.

Перед глазами у меня все заволочла багровая пелена.

Почему? Почему? Почему? Почему? Почему?

Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему?

Почему? Почему? Почему? Почему?

Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Почему?

Почему? Почему? Почему?

Он предал нас. Запятнал собственную гордость. Я не могу этого допустить.

Опыт достиг необходимой отметки. Навык [Ярость Ур. 9] стал [Ярость Ур. 10].

Условие выполнено. Навык [Ярость Ур. 10] эволюционировал в [Гнев].

Опыт достиг необходимой отметки. Навык [Табу Ур. 3] стал [Табу Ур. 5].

Условие выполнено. Получен титул [Повелитель гнева].

Получены навыки [Дух бога войны Ур. 10], [Эмма]\* благодаря титулу [Повелитель гнева].

[П/П: Эмма — повелитель ада в японском буддизме, большой человек с красным гневным лицом. Судит людей и отправляет их в рай или ад, выбирает, кем им переродиться. Соответствует индийскому Яме.]

Сейчас я могу предположить, что Раза-Раза так вел себя только из-за того, что Буримс настолько овладел им, и что в здравом уме он наверняка не хотел бы делать того, что сделал. Но в тот момент ярость не давала мне так надолго задуматься о вещах. Злость, которая накапливалась во мне, будто раскаляясь до шипения, сжигала все, угрожая опалить даже меня самого.

В это же время сгорело и заклятие укротителя монстров, которым я был пленен.

А-а-ах. Свобода. Теперь ему меня не остановить.

Я призвал всю свою силу, чтобы создать оружие с такой разрушительной силой, на какую меня только хватило бы. С ней я создал ужасающий пылающий меч, будто уродливые мысли внутри меня придали ему форму.

Не медля ни секунды, я обрушил его на бессовестного предателя. Не успевший вовремя среагировать тот, кого когда-то я называл братом, был изрублен на куски и поглощен взрывом пламени.

Я повернулся следующим нашинковать и Буримса, но, как я и ожидал, он уже разорвал дистанцию со мной. Другие люди стали наваливаться на меня и брать в окружение.

Буримс начал призыв нового монстра. Будто в этом был какой-то толк. Мне все равно, если я не переживу бой. Эти люди познают мою ярость.

И вскоре...

— Вот какую справедливость я свершил.

Я взирал на Буримса в последние секунды его жизни. Только мы двое оставались живы в этих стенах. Остальных я убил.

На стороне моего врага было куда больше воинов. Но я уравновесил чаши весов с помощью «Гнева», «Духа бога войны» и, главное, моей особой способностью восстанавливаться с каждым повышением уровня. А его повышало даже убийство нескольких из моих противников, наверное, потому, что тот был до сих пор низким.

Я тратил HP, MP и SP, пока не окажусь на грани гибели, а потом возвращал их себе с помощью повышения уровня. Потом я снова сражался до полусмертельного состояния и повторял процесс.

Мне повезло, что сначала они сдерживались, чтобы меня не прикончить. Им был очень нужен мой навык «Создание оружия». Они не могли себе позволить просто выкинуть его на ветер. Было совершенно ясно, что они пытались просто остановить меня, а не убить.

И я воспользовался этим на полную.

— Какой позор.

Буримс, последний выживший, был силен. И как заклинатель, и как воин. Даже грубой силой он намного превосходил всех остальных. Но теперь он лежал и хныкал на земле.

— Ты... ненавидишь меня?

Я не отвечал ему. Не потому, что не мог. Пока я был рабом Буримса, я научился их языку. Просто не было смысла отвечать. Вместо этого я просто опустил меч, который держал над головой.

— Прости меня.

Это был последний вздох Буримса. Его последние слова были навязчивы, как будто он упрямо цеплялся за жизнь. У него явно было какое-то важное незаконченное дело, если ради него даже пришлось уничтожить нас, гоблинов.

Он получил, что заслуживал.

И все же на сердце у меня было тяжело. Я чувствовал себя до ужаса потерянным и беспомощным, а еще ощущал неугасающий гнев где-то еще глубже.

Я снял с тела Буримса Оценочный камень и оценил себя. Там я прочел: «Доступна эволюция». У меня было два варианта: «Высший гоблин» и «Огр». Я сделал выбор.

Я тут же использовал навык «Называние», чтобы дать себе новое имя — Рат.

Гоблины очень гордятся своими именами. В основном я пользовался способностью к «Называнию», чтобы давать имена оружию, которое я делал с помощью «Создания оружия», делая его более действенным. Но с ним я мог менять и имена гоблинам, повышая так их статусы.

И все же ни один гоблин на это не согласился. Вот как они ценили свои имена.

Они всегда состоят у них из двух повторяющихся слогов в честь имени одного гоблина, который храбро сражался и пал в бою. Например, Раза-Раза или Разу-Разу.

Меня звали Разу-Разу, но я потерял всякое право называть себя гоблином. Моя гордость, мои чаяния — все перечеркнула моя ярость. Так что я не мог остаться гоблином. Теперь я буду огром. Обычным огром, которым движет один только гнев.

Я взвыл к небесам и умолк, лишь когда эволюция заставила меня потерять сознание.

\*\*\*

Сцена опять меняется.

Я больше не был гоблином, потерял семью и друзей, и вот теперь даже цель моего возмездия

исчезла. Честно говоря, я потерял всякую причину жить. Но я продолжал жить.

Я не хотел оставаться в деревне, где Буримс сделал меня рабом, но теперь, когда я был уже не гоблином, возвращаться в прошлую деревню тоже казалось неправильным. Так методом исключения я выбрал путь за пределы Гор Магии.

Дорога вела меня в земли под контролем людей, и после моей эволюции в огра путешественники нападали на меня без лишних разговоров.

Я раз за разом обращал бой в свою пользу и побеждал, пока наконец меня не атаковала большая команда приключенцев. Но с помощью ловушек и заранее созданных магических мечей мне удалось отогнать их.

Я забыл, что значит быть живым, но я все равно продолжал бороться и выживать, движимый упрямством и злостью, которые питал во мне «Гнев».

Потом, когда я победил отряд искателей приключений, новым испытанием для меня стала, судя по всему, настоящая армия. Старый рыцарь и старый маг, которые вели их, одолели меня, и мне пришлось бежать.

Пока я бежал, некто таинственный наложил на меня эффекты статуса «Страх» и «Иллюзии», и я бегал кругами, наполовину лишившись рассудка.

Не успел я и оглянуться, я вернулся прямо в ту деревню, где держал меня Буримс. Я тут же расправился с людьми, которые, видимо, поджидали меня, и только тогда меня вдруг осенило. Я больше не хотел сражаться. В этом не было смысла. Знаю, это такая глупость. Я так долго продолжал сражаться, подгоняемый яростью и упрямством, сам того не понимая.

И потом, когда я был совершенно вымотан, я задвинул подальше все чувство стыда и гордости и попытался вернуться в гоблинскую деревню. Она должна была быть пуста, никого там я бы не нашел, но я думал, что я мог бы жить там один, тайно.

Но на пути к ней я вновь позабыл о своей цели. «Гнев» так основательно ослабил мой разум, что я вновь позабыл обо всем, кроме боя. Я напал на монстров Гор Магии и ни разу не вспомнил, что изначально пришел туда, чтобы вернуться в деревню гоблинов.

А затем невероятно сильный дракон пожалел меня. Впрочем, не пытался ли он завуалированно попросить меня умереть?

Дальше я дрался с девочкой с шестью конечностями, а потом с другой, маленькой, но до абсурда опасной, и с сильным, несмотря на бледность, человеком. И Вакаба, моя одноклассница из прошлой жизни, каким-то образом тоже оказалась там.

Примерно тогда я стал замечать, что мои воспоминания какие-то странные и подозрительные. В мире, где есть статусы, не так уж сложно представить очень сильную девочку, а шесть рук могли появиться из-за какого-то предмета или типа того. Но появление Вакабы? Это нереально

Это должно было быть сновидением или галлюцинацией. А дальше реальность произошедшего стала еще более призрачной. Должно быть, это был сон или типа того.

Я сражался с монстрами Гор Магии. И с очень, очень сильным старым мечником. А потом на моем пути встал тот дракон, который меня пожалел.

В конце концов я повстречал девочку с двумя руками и Вакабу.

Ладно, девочка с двумя руками — это нормально... Может, из-за всех этих сновидений у меня что-то перепуталось в голове.

А? Сновидения? Почему-то я летел по небу. Не парил, будто птица. Нет, скорее летел вниз, а не по воздуху.

С каждой секундой земля все приближалась. Я чувствовал ужас оттого, что готов был столкнуться с ней. И действительно, мое тело рухнуло на землю с глухим стуком.

Я чувствовал, что мое тело расплющено и изломано. Если это и правда сон, не должен ли я тогда очнуться прямо перед тем, как врежусь в землю?

Так, стоп. Сон? Верно. Это все просто сон. Длинный-длинный страшный сон.

\*\*\*

— А? — дернувшись, просыпаюсь я.

Это нормально: во сне рухнуть на землю и так и не проснуться, осознать, что это должен быть сон, а только потом очнуться по-настоящему?

Чувствую себя отвратительно. Пот стекает с меня ручьем. Но от пробуждения я не сел внезапно в постели. Хотя правильнее сказать, я не смог.

— А? В чем дело?

Мое тело не двигается, даже если я изо всех сил пытаюсь сесть. Я недоуменно оглядываюсь, пытаюсь понять, что же происходит. К счастью, я, кажется, могу хотя бы повертеть головой и взглянуть, где же я.

Похоже, я лежу в постели. Я накрыт одеялом, так что нельзя понять, что с моим телом, но, судя по ощущениям, я точно должен быть связан или что-то вроде того.

Дальше я оглядываю комнату.

Это большая комната, которая кажется куда просторнее, чем те, что в приземистых жилищах гоблинов или даже в деревне у Буримса. Это что, дворец короля или типа того? Я оказываюсь лишь сильнее озадачен, когда задумываюсь, а что я вообще делаю в такой комнате.

Потом я встречаюсь глазами с девочкой, которая сидит у моей постели. Ее почти стеклянные глаза смотрят как бы сквозь меня. Она почему-то напоминает мне шестирукую девочку.

Подождите-ка. Шестирукая девочка? Нет, наверное, это был сон, да? Не может же на самом деле существовать девочка с шестью руками. Мне сложно становится понять, что из тех воспоминаний приснилось мне, а что было наяву.

Чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что я совершенно не знаю, как попал в эту роскошную комнату. Последние из моих воспоминаний смутные, как бы на грани сна и пробуждения, и совсем ничего мне не говорят. Что же случилось и как я сюда попал?

— Э-э-э... доброе утро?

Я сам не знаю, как я умудрился начать разговор такой фразой, которая звучит глупо даже для меня. Но что мне еще было сказать?

Девочка лишь молча кивает в ответ. Потом она берет лежащий рядом с кроватью колокольчик и ритмичными движениями звонит в него. Так вызывают дворецкого или типа того? В своей старой жизни я встречал такое в зарубежных фильмах, но я еще не видел, чтобы таким пользовались в реальности.

Как бы то ни было, девочка звонит в него так сбивчиво, что от одного этого звука начинаешь нервничать. Даже немного впечатляет, как ей удалось показать полное отсутствие музыкального слуха, лишь позвонив в колокольчик. Может, это можно считать за своеобразный талант. Это не значит, что я хочу слушать это дальше.

— Риэль, прекрати этот гадкий звук, пока он еще не свел всех нас с ума.

Дверь распаивается без всяких попыток постучаться. Девочка с двумя руками встает в проеме.

Нет, в самом деле, зачем я ее так называю?.. Ладно, неважно. Главное, что девочка, которую я до этого встречал лишь во сне, похоже, появилась наяву. Получается, это был не сон?

— А? Так ты очнулся?

За девочкой стоят еще две девочки. В одной я узнаю ту, у которой было шесть рук. Хотя сейчас, насколько я вижу, у нее их только две.

— Моя дорогая София, не слишком вежливо врываться в комнату джентльмена без стука. Что подумают о тебе в обществе как о леди, если ты станешь так поступать? Придется устроить для тебя в два раза больше уроков хороших манер.

И еще одна девчонка... Уже немного раздраженно я смотрю на новоприбывшую. На меня тут же будто веет леденящим холодом:

— А?! Что за...

На вид она вполне обычная девочка, может, капельку старше остальных, но все равно в лучшем случае подросток. Но почему-то кажется, что в комнату вошел настоящий монстр. От одного взгляда на нее у меня начинает бешено стучать сердце.

— О-хо-хо. Если ты без «Оценки» понимаешь, насколько я сильна, то ты подаешь немалые надежды, парнишка.

Каким-то образом расслабленная улыбка девочки походит на хищный оскал. Все мои инстинкты разом трубят моему телу броситься бежать, но сейчас я, похоже, связан, так что мне не скрыться.

— Хмф!

— Га?!

Я вдруг оказываюсь сброшен на пол.

— Каков нахал, игнорировать меня!

Стягивая с меня одеяло, виновник этого события встает надо мной с надменным выражением лица. Судя по тому, что я только что слышал, это должна быть София. Она большая грубиянка по сравнению с девочками, которые молча стоят рядышком.

— Ах, София...

— Ну, он не обращал на меня внимания, понимаете, мисс Ариэль? На меня! Думаете, я позволю ему просто пялиться вот так на вас и делать вид, что я тут пустое место? Еще чего.

Никогда!

— Ну, как видно, «Зависть» уже начинает понемногу действовать на тебя... Ох. Ты можешь просто успокоиться на секундочку, София? Я тут пытаюсь разговаривать.

Девочка, которую София назвала мисс Ариэль, смотрит на нее лишенным выражения взглядом. Та в ответ вздрагивает и покорно замолкает. Похоже, эта Ариэль тут сильнее всех.

— Итак, давайте поболтаем. Можешь говорить?

Теперь мне трудно сказать «нет». Под ее давлением непросто раскрыть рот, так что я просто киваю без слов.

— Правда? Приятно слышать. Значит, первую трудность мы решили. Кстати, поздравляю тебя с возвращением в сознание. И раз ты, похоже, понимаешь человеческий язык, можно сказать, что и второе затруднение мы тоже преодолели.

Мисс Ариэль весело улыбается. Я не совсем понимаю, куда она ведет, но не похоже, что у меня есть причины для беспокойства.

— Ну, беседовать вот так нам будет непросто, так что давайте просто... Ах, но Широ не с нами, так что мы все-таки не можем тебя освободить.

Ариэль подходит ко мне, лежащему на полу, и касается нитей, которыми я связан. На вид они очень тонкие, но намотаны многими слоями, так что я похож на гусеницу в коконе. Не удивительно, что я не мог двинуться.

— Угу, ничем не могу помочь. «Контроль нити» тут не работает. Не думаю, что сумею ее сдернуть, и поджигать тоже опасно, так что от этого варианта откажемся. Широ, конечно, сможет ее расплести, как только вернется. Но она куда-то ушла и все еще не возвращалась, правда?

— Да. Она исчезла, ничего не сказав, хотя я сказала ей предупреждать, если она вдруг решит вот так куда-то деться. И как она смеет уходить без меня!

В голосе Софии слышны истерические нотки.

— Ага. Ладно. Надо что-то с этим делать, да поскорей, правда? Меразофис, можешь пока поддержать ручку Софии?

— Разумеется, мадам.

Мужчина тихо делает шаг, порядком меня перепугав. Как давно он был здесь?! Я даже не заметил, что он вошел в комнату. Отчасти это могло быть оттого, что люди здесь все так и излучают силу, но все равно в голове не укладывается, что я никак не почувствовал его появления.

— Вашу руку, если позволите, юная мисс.

Мужчина по имени Меразофис вытягивает руку, а София послушно за нее берется. Более того, она обеими руками обвивает его руку и даже прижимается потереться о нее щекой, капельку напоминая мне кошку, которая трется о хозяина, но эти мысли я оставляю при себе, потому что понятия не имею, что будет, если я выскажу их вслух.

— Мне очень жаль. Похоже, сейчас мы не сможем тебя развязать. Надеюсь, ты не против, если пока что мы побеседуем с тобой вот так.

С этими словами мисс Ариэль поднимает меня с пола и кладет на постель, даже прикрыв меня снова одеялом.

— Благодарю вас.

Почему-то, когда она слышит слова благодарности, ее глаза округляются от удивления.

— Э... что-то не так?

— Ах, нет, вовсе нет. Просто я не совсем ожидала такой вежливости.

С тихим милым звуком «кхем» прочистив горло, Ариэль продолжает:

— Как бы то ни было, давайте сначала представимся. Я Ариэль. Та, что сейчас воркует вон там, — это София, а прицепилась она к Меразофису. Детки по левую сторону — это Саэль, Риэль и Фиэль. Есть еще Широ и Аэль, но сейчас они не с нами, так что я надеюсь, что вы еще успеете познакомиться. И вообще, Широ должна тебя распутать, так что будет печально, если ваша встреча не состоится.

Так много новых знакомств. Я боюсь, что не сумею сразу всех запомнить, но, когда передо мной такая сумасшедшая компания, забыть их будет трудно. Не считая Саэль, Риэль и Фиэль с так неудобно созвучными именами. Может, они сестры? Они все похожи друг на друга, а еще на кукол.

— Меня зовут Рат.

Когда люди представляются, невежливо не назвать своего имени в ответ. Сейчас меня зовут Рат. У меня нет больше права называться Сасаджимой Кёей или Разу-Разу.

— Хорошо. Итак. Давай сразу перейдем к делу. Как много ты помнишь?

— Как много?

Я не готов ответить сразу. Как я уже начал понимать после пробуждения, с какого-то момента я начинаю припоминать события, словно они были во сне, нереальными. Я не знаю, что из этого правда, а что — только мое воображение.

И все же если София и другие девочки, которых я считал сновидением, стоят передо мной, может быть, вообще все это было наяву. Я не знаю.

— Не уверен.

Услышав мой честный ответ, София бросает на меня угрожающий взгляд.

— София! На место, девочка!

Ариэль тут же одергивает ее, не успевает та ничего сказать, и девочка отводит от меня взгляд, вместо этого робко прижимаясь к Меразофису.

— Прошу прощения, что нас так грубо прерывают. Что ж, я уверена, ты уже это понял, но ты впал в буйство, потеряв рассудок из-за навыка «Гнев». Я могу рассказать тебе, каким мы видели тебя со стороны, так что попробуй понять, что из этого ты помнишь.

Ариэль пересказала мне, что же я делал до сих пор. Я учинил заварушку в месте, называемом империей, где меня звали уникальным огром. За мной гналась имперская армия, я наткнулся на отряды эльфов и выкосил их. Все это я помнил до сих пор. Хотя я впервые слышу, что отряды, которые, как я думал, поджидали меня в засаде после того, как я сбежал от старых рыцаря и мага, были никак не связаны с ними и вообще оказались эльфами.

Затем я дрался с Софией и остальными в Горах Магии. Дальше после зигзагов судьбы я вновь сражался с Софией, теперь уже она была плечом к плечу с некой Широ, которой сейчас тут нет. В этот раз они полностью меня разгромили и деактивировали мой «Гнев», вернув меня в сознание, и вот я здесь... как я могу видеть сам.

Пусть все как будто было в тумане, это я помню.

— Хм. Так твои воспоминания более или менее целы.

— Тогда подставляй что-нибудь, чтобы я тебе вдарила! Я, знаешь ли, не простила тебя за то, что ты нам сделал, — кричит на меня София, близко прильнув к Меразофису.

Пожалуй, если это все правда, я действительно просто взял и напал на ее друзей без всякого повода. И они в итоге чуть не погибли. Даже если бы она убила меня, это было бы заслуженно, что уж говорить про какой-то там удар.

— София, место!

— Все хорошо, мисс Ариэль, — отвечаю я покорно. — Я заслужил это за все, что я сделал.

Но Ариэль не стала меня слушать.

— Ну, это вряд ли. Если она тебя ударит, ты можешь этого и не пережить.

Пожалуй, если верить рассказу мисс Ариэль, тогда София билась со мной на равных, когда активен был мой «Гнев». Наверное, только из-за этого бонуса к статусам я был в состоянии с ней сражаться, так что сейчас, когда он неактивен, от ее прямого удара я могу и погибнуть.

Более того, если Ариэль говорит об этом так серьезно, скорее всего, так оно и будет.

— Так что никаких там вдарить, София. Меразофис, ну-ка обними ее.

София начинала протестовать, пока не услышала последнюю часть ее реплики, отчего она тут же просияла. В это же время с протестами хочет обратиться уже Меразофис. Но вместо этого он просто сдается и наклоняется, чтобы заключить ее в крепкие объятия.

Похоже, у них какие-то очень сложные отношения...

— Э, ладно. Так где мы остановились? А, точно! Мы говорили о том, что, по крайней мере, что-то ты начинаешь припоминать. Значит, ты помнишь, как выглядит Широ?

После этих слов я наконец вспоминаю. Девушка, которая была в бою рядом с Софией. Но... Стоп, чего? Подождите-ка. Если меня не обманывают мои воспоминания, значит, это правда?

— Вакаба? — неуверенно спрашиваю я.

— Динь-динь-динь! И у нас победитель!

Такое подтверждение моим мыслям от мисс Ариэль поразило меня сразу во многих смыслах, настолько, что я даже не знаю, чему мне поражаться больше.

— Итак, если верить признанию Широ, ты должен быть Кёей Сасаджимой?

Я тупо киваю, настолько ошеломленный, что снова впадаю в какое-то тихое онемение.

— Отлично. Тогда тебе, наверное, стоит знать, что все твои бывшие одноклассники, так или иначе, возродились в этом мире. Хотя я не видела каждого из них вживую, так что можно сказать, что это неподтвержденная информация.

Несмотря на такое замечание, Ариэль как будто уверена в том, что говорит. Тогда она должна была слышать это от кого-то весьма надежного.

— А малышка София у нас...

— Мисс Ариэль!

— Что? Рано или поздно он узнает, так что лучше выяснить все сразу, правда? София — реинкарнировавшая, которую в вашем мире звали Негиши Шоко, — открывает ее секрет Ариэль, несмотря на недовольства.

Шоко Негиши. Конечно, я ее знаю, но сейчас она совсем не похожа на ту, какой я ее помню.

— А-а-ах!

София цепляется за Меразофиса и бросает на меня обиженный взгляд. Не знаю, за что ей так смотреть на меня, если это мисс Ариэль раскрыла мне ее личность.

— Но лучше не спрашивай меня о других реинкарнировавших, кроме Софии и Широ. Я ничего о них не знаю. Ах да, что касается эльфов, о которых мы тут заговорили, похоже, реинкарнировавшие их очень заинтересовали. Они даже пару раз приходили за Софией. Так что вполне возможно, что они знают о перерожденных больше, но я бы не советовала с ними связываться.

— А, понятно, — отвечаю я. Я надеялся, что она что-нибудь знает про Шуна или Канату, но, видимо, не все так просто. — Эм, можно один вопрос?

— М? Какой же?

— Вы знаете, что мы делаем здесь, в этом мире?

Это прозвучало довольно абстрактно и философски, но мисс Ариэль, к счастью, понимает, что я хотел сказать.

— Можно сказать, что всему виной божественная прихоть.

Мы живы, и четкой причины этому найти нам никогда не удастся. По крайней мере, мне показалось, что это она хотела мне сказать.

\*\*\*

Дальше мисс Ариэль попыталась продолжить разговор, но София наконец вышла из себя и стала закатывать сцену, так что Ариэль без слов схватила ее за шиворот и вынесла из комнаты. Мерзозофис в смятении последовал за ними.

Через какое-то время Ариэль вернулась одна. Я решил, что лучше не спрашивать, что же случилось.

— Я уверена, тебе есть о чем подумать, так что на сегодня, думаю, хватит. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, так что подумай о том, что ты хочешь делать дальше. А, и еще... — выдерживает паузу Ариэль. — Если хочешь что-то узнать про этот мир, возможно, стоит обращаться с вопросами к «Табу».

После этих слов Ариэль покинула комнату. Осталась здесь только Риэль, которая сидела рядом с самого начала. Она ведет себя так, будто меня нет рядом, и время от времени просто машет куда-то в пустоту. Там что-то есть? Я точно ничего не вижу...

Ладно... «Табу», значит? После всех моих повышений в уровне и эволюций в какой-то момент я повысил его у себя до максимума. Как и сказала мисс Ариэль, с помощью «Табу» я мог бы узнать, что такое происходит в этом мире. Мне, пожалуй, стоит посидеть и покопаться в нем.

Впрочем, я не уверен, что я действительно хочу это знать... Но мне все равно придется. Все-таки теперь я живу в этом мире. Живу... хм-м.

Если меня посещают такие мысли, значит, я все-таки не потерял волю к жизни, так? С тех самых пор, как я убил Буримса, я жил из чистого упрямства. И из-за него я убил потом множество невинных людей. Ариэль рассказала мне о том, что я делал, с нейтральной точки зрения наблюдателя.

Это явно было похоже на деяния чудовища. Гневное буйство, в котором я мешал невинным людям и отнимал их жизни. Это несправедливо. Ничто не может быть большей несправедливостью для тех, кого я убил. Я совершил ту самую неправду, с которой всегда был главным поборником. Я просто ужасен.

Так есть ли у меня хоть какое-то право на жизнь? Хочу ли я жить дальше, нести груз всех этих прегрешений и не иметь при этом никакой цели? Я не знаю. Но умереть я тоже не планирую.

\*\*\*

— Привет, парень, как поживаешь?

На следующий день Ариэль снова приходит навестить меня, на этот раз одна. Может, она поняла, что мы ничего не добьемся, если София будет рядом.

— Прости. Мы все еще не знаем, где Широ, так что придется тебе побыть в таком виде еще немного. Потерпи, ладно?

У нее очень виноватый вид. Вчера я сам попробовал кое-что, что могло бы меня освободить, но все без толку. Из чего вообще сделана эта нить? Она невероятно прочна.

В то же время, пусть быть вот так связанным неудобно, это не такая уж проблема для меня, ведь Ариэль обо мне заботится. Не будем учитывать, как мне стыдно было, когда за мной ухаживала девочка. Или когда я говорил «А-а-а», чтобы она покормила меня с ложечки.

Ладно, пожалуй, это проблема...

— Хм-м-м. Ну, вообще-то, она должна хорошо гореть, так что мы могли бы ее как-нибудь сжечь.

— Было бы замечательно.

— Но понадобится много пламени, так что тебя, скорее всего, придется тоже подпалить.

— И все же было бы очень здорово.

В ответ на мои настойчивые просьбы Ариэль все же сжигает нити, оставляя мне довольно серьезные ожоги. Впрочем, мое здоровье восстанавливается автоматически, и они должны затянуться. Все лучше, чем продолжать терпеть такие унижения.

— Большое спасибо. Наконец я чувствую себя свободным.

— Не за что. Э, и прошу прощения. — Видимо, Ариэль почувствовала мое облегчение хотя извиняться ей было не обязательно. — Итак, раз теперь ты совершенно свободен, чем хочешь заняться?

— Чем я хочу?..

— Конечно. Если я могу с чем-нибудь помочь, я совсем не против. Можешь просто остаться тут, если захочешь. И если ты еще не определился, можешь задержаться и подумать. Денег и

прочего с тебя никто не возьмет.

— Почему вы делаете это для меня?

Ариэль слишком добра. Особенно учитывая, что я мог бы и убить ее друзей.

— Хм, не знаю. Отчасти из-за симпатии, отчасти потому, что это может быть мне на руку, — отвечает она без особых эмоций. — Что касается симпатии, дело в том, что я сама прошла кое-что из того, что испытал ты, так что я тебя понимаю, достаточно, чтобы знать, откуда у тебя взялся навык «Гнев». Ну а на руку потому, что, если не обижать реинкарнировавших, тогда не обидишь ненароком одного бога. Может, наоборот, заслужишь расположение, хотя это как повезет.

Она знает, что я прошел, и мне симпатизирует? Неясно, сколько узнала обо мне Ариэль, но я точно ничего не рассказывал про свое прошлое. Так что сложно сказать, что из того, что ей известно, — правда, и все же этого было достаточно, чтобы немного расположить ее ко мне.

Хм. Так, значит, люди жалеют меня за то, что я пережил. Почему-то это осознание не вызвало у меня особенных эмоций.

А еще она говорит про свой личный интерес. Если она хорошо относится к реинкарнировавшим, бог может хорошо обойтись и с ней. Когда вчера я спросил ее, почему мы оказались в этом мире, она сказала, что дело в божественной прихоти. Я думал, в этом был какой-то глубинный подтекст, но, кажется, она говорила буквально.

В этом мире ведь есть настоящие боги. Реальные божества, создавшие систему. Так что совсем неудивительно, что наша жизнь здесь началась из-за каприза какого-то бога. И очевидно, ему приглянулись мы, реинкарнировавшие. Вот почему Ариэль к нам добра.

Это весьма прагматичный подход.

— Честно говоря, я еще не знаю, что мне делать.

Я уже потерял весь смысл жизни, который был у меня. У меня нет желаний, амбиций. Я лишь пустая оболочка, наполненная совершенными мной грехами.

— Мисс Ариэль...

Но я еще жив. Я все еще не собираюсь умирать.

— Могу ли я что-то сделать для этого мира?

Так что, думаю, я буду жить дальше. В этом мире на краю гибели.

Это не искупление вины, ничего такого пафосного, но если я буду жить, то я решил, что мне нужна цель.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96883/3358148>